Утро фестиваля в целом было шумным.

За Фестиваль Всеобщего Отдыха отвечали разнообразные комитеты, различные кружки и волонтеры с разных классов.

Из-за того, что в воскресенье не было уроков, пришло немало учеников, но на утро первого дня всё еще не утихали приготовления.

С музыкальных центров и прочих колонок вокруг школы играла музыка. Вместе с ней раздавались звуки проверки микрофонов и стук молотков, а велосипеды и мотоциклы с прицепом тут и там перевозили материалы.

На фоне всего этого рядом с шеренгой деревьев, согреваемых солнцем, стоял Синдзё с поникшей головой.

Саяма водил его по округе, представляя различные палатки, но ему из этого запомнилось немногое.

На то было несколько разных причин.

Проснувшись около семи утра, он обнимал Саяму.

Его пробуждение разбудило Саяму, который заметил его действия.

Саяма заверил его, что все хорошо, но затем…

— Нас увидели.

После того, как Харакава привёз материалы для их прилавка на своем мотоцикле, он и прочие одноклассники зашли к ним в комнату. При нормальных обстоятельствах они бы известили Ооки, но та как обычно опаздывала.

…Они выглядели ошарашенными.

Они с Саямой объяснили ситуацию, и Харакава, похоже, её принял.

Но, судя по всему, остальные начали распускать слухи. Когда они покинули общежитие и пока ели в столовой, у них брала интервью собирающая сплетни газета, принадлежащая одному из множества клубов журналистики.

…Саяма-кун ответил им так просто.

Он всего лишь настоял, что здесь не о чем беспокоиться.

Однако Синдзё всё равно казалось, что это вызовет у него неприятности.

И подобный слух имеет свойство приживаться надолго.

…Он уже снискал славу эксцентричного вице-президента школьного совета, широко известного своими странностями.

Изумо сегодня не пришёл, поэтому Саяма взял церемонию открытия на себя.

Синдзё угнетало вспоминать злословие и насмешки, прозвучавшие от пары человек.

— Не хочешь?

Что-то протянули к его опущенному взгляду. Оно напоминало большую сушеную сливу, и поддерживалось парой палочек. Ее покрывало нечто напоминающее осколки стекла.

— Что это?

— Т-ты серьёзно никогда раньше не видел абрикосовую конфету? Это… это шокирующее откровение.

— П-почему обязательно так выезживаться и выдавать такую преувеличенную реакцию?

— Вот как. Как насчет того, чтобы мы оба успокоились?.. Слушай. Эта конфета — неотъемлемый предмет для присутствия на фестивале.

— Правда? Подобные вещи нужны на фестивале?

— Да. Есть и другие предметы, к примеру, полиэтиленовый пакет с золотой рыбкой, который ты украл из бака, или вырезанные изо льда лезвия с канцерогеном сверху. И в центре всего этого играющая чарующую музыку деревянная башня, вокруг которой все водят хороводы, танцуя в трансе. Вентура! Вентура!

— У меня такое чувство, что твои описания не совсем точны…

Синдзё наклонил голову и лизнул конфету.

— Сладкая. Я думал, она будет кислой.

— Снаружи один лишь сахарный сироп. Она твердая, потому что её держали во льду. Хитрость в том, чтобы съесть её всю, только лишь облизывая.

Синдзё кивнул, и начал вытаскивать из кошелька мелочь, но Саяма его остановил.

— Не нужно денег. Первогодка из того прилавка дала мне её бесплатно. И пожелала удачи. Я поражен, что первогодки в эти дни пытаются создать связи со школьным советом, подкупая их едой.

— Я уверен на 100%, что она имела в виду не это. Что ты сказал в ответ?

— Я сказал, что сделаю все, что в моих силах, так что предоставьте это мне. Она возбужденно вскрикнула, поэтому я подумал, что у нее может быть заболевание головного мозга.

— Ааа…

Синдзё ухватился руками за голову.

— В чем дело, Синдзё-кун? Мигрень? Если ты не избавишься от причины, мигрень может быть опасной.

— Я не хочу этого слышать от источника опасности, — буркнул он, уставившись в пространство.

Затем он услышал у себя за спиной шум мотора.

Он обернулся и увидел большой черный мотоцикл с коляской. Им управлял Харакава. Смуглый парень с волнистыми черными волосами опустил солнцезащитные очки.

— Эй.

Он остановил мотоцикл рядом с ними.

Парень, должно быть, с трудом различал японцев между собой, потому что относился ко всем в классе одинаково. Он вел себя естественно даже рядом Саямой, от которого все держались на расстоянии.

— В чем дело, Харакава? Уже уезжаешь?

— Да. Автомобильный клуб всё уже установил, так что я собираюсь повидаться с матерью и затем поеду на работу в Ёкоту.

— Подкручивать болты и сортировать старые книги? Удачи. …О, и как поживают новички в твоем клубе?

— Есть один озабоченный паренек, желающий прицепить коляску, в которой можно возить девушку. Мне нравится его стиль. И после демонстрации во время фестиваля к нам наверняка придет больше людей.

— Демонстрация? О чем это?

— О, тебе никто не рассказывал, Синдзё? Ну, сначала мы прокатимся на наших мотоциклах бок о бок вдоль шеренги деревьев у главного входа.

— Хорошо.

— Затем, мы все закричим: «наш бюджет слишком мал, и мы не можем поддерживать наши тормоза!» и рванемся в сторону школьного здания.

— Это нелегально! Саяма-кун, ты ничего об этом не скажешь?

— Постарайтесь не ездить по ступенькам. В прошлом году некоторые мотоциклы слетали с крыши, но я не уверен, что это был трюк.

— Мы целились в толпу у мотокросса. Не опускать переднее колесо было тяжело.

— Я начинаю понимать, почему эта школа такая странная, — прокомментировал Синдзё.

— Да. Даже кто-то вроде меня, кто практически переполнен здравым смыслом, испытывает трудности в понимании многого об этой школе.

— П-прости, но если ты «переполнен здравым смыслом», сколько его, по-твоему, у меня?

— Ты? Здравый смысл? Я смутно припоминаю, как ты спрашивал, что это за «вращающаяся квадратная штуковина», когда в общежитии я включил игровую приставку. Как ты мог не знать о правиле вращающихся полигонов?

— Н-но я действительно впервые увидел нечто подобное…

Когда голова Синдзё поникла, Харакава вздохнул.

— Ну, можно сказать, что эта школа притягивает людей со странным пониманием здравого смысла.

— Я-я вовсе не странный.

— Ха-ха-ха. Синдзё-кун, все странные люди так говорят.

— Саяма-кун, я уверен, что это должен был сказать я.

Харакава горько улыбнулся и снова привлек к себе внимание.

— Что более важно, я извиняюсь за сегодняшнее утро, Синдзё Сецу.

— Ох, ну, ничего. Это была случайность, и ты даже позволил нам объяснить. И если собираешься извиняться, извинись перед Саямой-куном. Я собираюсь в скором времени покинуть школу.

— Серьёзно? Для меня это новость.

Харакава повернулся к Саяме, но Синдзё не смог заставить себя поступить также.

— Да, это правда.

Когда Саяма не стал отрицать, Синдзё безэмоционально кивнул.

— К тому же, Харакава-кун. Мне бы не хотелось оставлять каких-то недоразумений. Тот, в ком заинтересован Саяма-кун это…

Синдзё остановился.

— Да. Тот, в ком заинтересован Саяма-кун — это не я. Это моя сестра… к сожалению.

●

Он непроизвольно добавил «к сожалению».

Ах, — вздохнул Синдзё в своем сердце.

Ему наверняка не следовало этого говорить. Ради Саямы, и ради самого себя.

Чтобы избежать вопросов от Саямы, он опустил голову.

Но тем, кто отреагировал, оказался Харакава. Уставившись на Саяму, он кивнул и ткнул его в плечо.

— …

Парень, похоже, делал ему за что-то выговор, и после этого безмолвно отъехал на своем мотоцикле.

Рев мотора медленно, но уверенно отдалялся. Тем временем, Синдзё вонзил зубы в абрикосовую конфету, чтобы потянуть время. К сладости добавилось немного кислинки, но столь незначительно, что он с трудом и заметил.

— Синдзё-кун.

Голос, которого он опасался, прибыл.

Мысли о его возможных словах вызвали определенные чувства.

…Мне страшно.

Будет ли Саяма искать какое-то завершение всему этому?

— Тебе всё еще нездоровится?

У Синдзё ушло два вздоха на то, чтобы понять неожиданный вопрос, и затем он над ним задумался.

Ответ всплыл в его сердце, и он проговорил, потупившись в землю.

— Я не знаю…

— Не знаешь?

— Я не знаю, как мне быть. Мне страшно, и я продолжаю думать лишь о себе.

Объятья Саямы прошлой ночью вызвали у него такое облегчение, но теперь, ему казалось, что он должен этого избегать.

…Какое у меня сейчас выражение лица?

— Это странный вопрос, но… Саяма-кун, тебя интересуют мальчики?

— Нет, не интересуют. Я нормальный в этом смысле.

— Ясно.

Синдзё выдал слабый кивок, и Саяма наклонил голову.

Во взгляде Саямы стояло беспокойство, потому Синдзё заговорил раньше, чем он что-нибудь скажет.

— Т-тогда… Какие у тебя чувства к Синдзё Садаме?

Чтобы ответить на этот проверочный вопрос, у Саямы ушло мгновение. Он оставался невозмутимым как всегда.

— Она для меня важна.

— Да, — проговорил Синдзё, — Пожалуй, так и есть.

Он кивнул, и его взгляд помутнел.

— Садаме — девушка, а ты парень. Тебя не взволновало то, что люди этим утром нас увидели, потому что ты выберешь Садаме. Ты… ты не можешь выбрать меня, да?

— Синдзё-кун.

Синдзё собирался сказать "Что?", но вырвались другие слова.

— Прости, я не хочу этого слышать.

Саяма потянулся рукой, но Синдзё увернулся от неё секундой позже.

Он развернулся к Саяме спиной и опустил голову. Помутнение с его взгляда скатилось на землю.

Сецу глянул вперед, где дорога вела прочь от школы. Повеяло неожиданной прохладой.

— Прости. Мне нужно отойти немного успокоиться.

Синдзё помчался вперед, прочь от школы. Он со всей силы убегал от слов Саямы как можно дальше.

— Синдзё-кун!

Синдзё не оборачивался на голос. Он услышал преследующие его шаги, но тропу пересекла группа учеников младшей школы на посещении, перегородив Саяме путь.

Синдзё вздохнул, выпрямился и миновал школьные ворота.

…Я только что сделал то, чего не следовало.

●

Саяму окружали ученики младшей школы, наседающие от ворот.

Он увидел, как Синдзё завернул за отдаленный угол и исчез.

— Синдзё-кун!.. Да что с этой толпой детей?!

— Когда их так много, их так тяжело вести.

Саяма повернулся в сторону и обнаружил Ооки, почёсывающую затылок посреди моря детей.

— Так значит, за них в ответе наш медлительный учитель. Вы, похоже, не в состоянии пошевелиться, так когда же Вы успели появиться рядом?

— Меня просто затянуло потоком.

— Рад видеть, что Вы нисколько не меняетесь. А теперь, что это за дети?

— На пути сюда директор детского дома попросил меня повести детей на фестиваль, так как я все равно опоздала. Я довольно популярна, видишь ли.

— То есть, даже детские дома знают, что мой классный руководитель всегда опаздывает.

— Если возможно, мне бы хотелось услышать, что ты имеешь против моей популярности.

Саяма её проигнорировал.

Он огляделся и обнаружил, что толпа высотою по пояс пристально смотрит на него.

— Как бы там ни было, Ооки-сенсей. Почему Вы пытаетесь этими детьми перегородить мне дорогу?

— Когда я пришла, то увидела, что ты и Синдзё-кун играете в догонялки, так что решила, пускай детки присоеди… ай-ай-ай!

— Как вообще мозгам в Вашем черепе пришла такая идиотская мысль?

Едва Саяма оставил Ооки красное пятно, вокруг них начали копошиться ученики младшей школы.

— Не обижай ее!!

— Не дайте себя обмануть! Она нехороший человек!

Его убедительный возглас заставил детей застопориться. Они все разом на него уставились.

— Н-нехороший человек?

— Н-нет! Саяма-кун, почему ты называешь своего учителя нехорошим человеком?

— О? Положите руку на сердце, и хорошенько подумайте. Вы хоть раз в жизни совершали что-нибудь плохое?

Ооки поднесла руки к груди и задумалась.

— Ммм… — Она наклонила голову на несколько секунд, и в итоге без малейших колебаний улыбнулась. — Нет, ни разу.

— Согласно кодексу законов Саямы, ложь карается смертью. Вы уверены, что не хотите передумать?

Саяма зыркнул на нее полуприкрытыми глазами, но сзади неожиданно отозвался кто-то другой:

— Почему это вы все с самого утра так энергичны? Вы преграждаете путь.

Он развернулся и обнаружил Брюнхильд, стоящую за детьми.

Позади неё на тротуаре стоял ларёк клуба изобразительного искусства.

Он имел форму Венеры Милосской, по размерам более десяти метров в высоту. Статую сделали с увеличенной грудью, и ей в живот встроили прилавок с жареной курицей. Выше из носа валил зеленый дым.

Брюнхильд улыбнулась группе детей.

— Добро пожаловать.

Черный кот на её плече мяукнул, и дети расступились.

Когда группа детей ушла с дороги, подобно убывающей волне, Саяма вышел вперед.

— Мои благодарности.

— Нет нужды. Если они будут толпиться здесь, это повлияет на продажи. Что гораздо важнее, ты готовишься к Пути Левиафана со 2-м Гиром?

— Тебе рассказали Казами или остальные?

— Нет. …Изумо сегодня отсутствует, не так ли? Ты не слышал почему?

— Не слышал. Казами лишь сказала, что он упал вчера с крыши.

— Это звучит, как одна из её отговорок. …Из того, что я слышала, прошлой ночью на крыше они занимались какой-то тренировкой. Она сказала, что они поняли, в чем трюк, или вроде того, но из-за ушиба Изумо должен выспаться.

Саяма горько улыбнулся. Эта тренировка, скорее всего, проводилась с целью найти контрмеру для Искусства Ходьбы 2-го Гира.

Но на то, что они ему ничего не сообщили, ему нечего было сказать.

— У них, вероятно, появилась иная странная идея.

— А что будешь делать ты? Отправишься в UCAT, где находится сестра твоего сбежавшего друга?

— Да, таков мой план. У меня еще есть другое дело в Окутаме. Я как раз собирался попросить главу общежития позвонить мне, если Сецу-кун вернется, и затем поговорить с Садаме-кун в UCAT.

— Поговорить о чем?

— О том, почему я, должно быть, выглядел таким подавленным.

— Э?

Вопросительный голос и выражение лица Брюнхильд вызвало у Саямы горькую улыбку.

— Мне есть что сказать, но, судя по всему, Синдзё… Сецу-кун не хочет слушать.

— Бывают подобные времена.

— Но я не могу этого стерпеть. И… сомневаюсь, что он действительно этого хочет.

Саяма произнёс свои истинные чувства девушке, с которой он когда-то сражался.

— Кто еще станет слушать то, что мне есть сказать?

— Не скромничай. Кое-кто из 1-го Гира, слушающий тебя, стоит прямо здесь.

— Не пойми меня неправильно. Я заставил тебя и твой Гир слушать меня силой. Но с Синдзё-кун… обоими Синдзё-кунами, я хочу, чтобы они слушали меня по собственной воле.

— У тебя запущенная стадия практически любой болезни, что мне приходит в голову.

— Это меня устраивает. Как говорится, преодоление всяческих заболеваний ведет к успеху. …Пришло время для меня решить, как с ними столкнуться.

— Тогда, что ты собираешься сейчас делать? — спросила Брюнхильд.

Неожиданно, левая сторона груди Саямы завибрировала.

Это мобильный телефон.

Он вытащил из кармана Баку и затем подхватил телефон.

— Это я.

— Саяма-сама? Это Сибил из Отряда Левиафана. У Вас есть минутка?

— Тэстамент. В чем дело?

— 2-й Гир объявил подробности Пути Левиафана. Время и место — завтра в 8 часов вечера в Концептуальном Пространстве внутри Мемориального Парка Сёва. Представители 2-го Гира проведут совместную тренировку с Отрядом Левиафана и его отрядами поддержки. Победителем будет тот, кто добудет Тоцуку из мостика на голове Сусаоо. Проще говоря, это будет тренировочный бой. Что Вы думаете?

— Значит, оружейный бог наконец-то решился.

— Я предполагала, что Вы скажете что-то подобное.

В ответ на промелькнувшее в её голосе удовольствие Саяма нахмурился.

— Остальные выдали другие комментарии? — спросил он.

— Некоторые, но один человек сказал то же, что и вы.

— Кто это был?

— Ооширо Итару-сама.

Саяма сглотнул.

Почему он? — задумался парень, тогда как Сибил продолжила.

— Прошу Вас прибыть в UCAT как можно скорее. Мы должны обменяться необходимой документацией, и подготовить бумаги, связанные со 2-м Гиром.

— Тэстамент, — ответил Саяма, после чего убрал телефон.

Он поднял взгляд и обнаружил взиравшую на него Брюнхильд.

— Значит, ты отправляешься в UCAT? У меня тоже там дела.

— Посещение резервации 1-го Гира? Передавай привет Фасольту и Фафнеру.

— Эта семья недавно всерьёз попыталась создать целлюлозу из кухонного мусора. Она воняла так сильно, что невозможно было подойти к их дому. И на днях они затеяли серьёзную драку, разрушив часть дома.

— Кто знал, что гигантские монстры будут драться так близко от дома?

— Да, — сказала Брюнхильд. — Но ты упомянул оружейного бога, не так ли? Представители божественного класса из каждого Гира сильны. Тебе жить надоело?

— Этот оружейный бог хочет, чтобы мы с ними столкнулись. И если ты помнишь, я однажды столкнулся с девушкой, которая была богом Преисподней, и с драконом, которого можно победить лишь священным мечом. Тем не менее, вот он я живой.

— Ты не только глупый, но еще и самонадеянный.

— Я приму это в качестве комплимента. Некто, к кому обращались подобным образом, сумел победить бога. …И мне уже известно, что противники, с которыми мне предстоит столкнуться, по силе не уступают тебе.

— Ясно, — Брюнхильд кивнула и невозмутимо продолжила. — Хотелось бы тебе напомнить, что я по-прежнему бог Преисподней. …Но я больше тебе не противостою.

— В таком случае, ты не против отправиться в UCAT вместе? Я планирую отправиться, когда тут возьмет на себя обязанности дневная группа.

Брюнхильд собиралась кивнуть, но кто-то неожиданно задрал ее юбку.

— !..

Она обернулась и увидела одного из учеников младшей школы из прошлой группы. Мальчик в шортах ей улыбался.

— Ура! Это трусики отмороженной дев…гвх!

— Хм? Начинаешь с железного когтя? Весьма сурово, тебе не кажется?

— Прости, Саяма. Я отправлюсь в UCAT самостоятельно, после того как разберусь с этим мальцом.

К ней лихорадочно подбежала Ооки.

— Аааx! Прошу прощения, Брюнхильд-сан! Тут просто так много энергичных и озабоченных детей!

— Не волнуйтесь об этом. Не останется никого, кто смог бы об этом волноваться.

— Не говори такие зловещие вещи с каменным лицом!

На фоне паники Ооки, Брюнхильд улыбнулась и указала на прилавок за ней.

— Хочешь увидеть? Не волнуйся… Я смогу тебя убедить.

●

На северном краю Акигавы, на горе рядом с Оуме, находилось кладбище.

У входа стояла вывеска с надписью «Кладбище Ниситама» и пара посетителей.

Под лучами полуденного солнца шагали мужчина и женщина, одетые в черное. Волосы обоих окрасились белизной.

Первым был Ооширо Итару, а второй — Sf.

Поднимаясь по ступеням к кладбищу, Итару держал свою трость в одной руке, и букет хризантем в другой.

Sf рядом с ним несла в правой руке ведро с водой.

— Итару-сама, может, мне понести цветы вместо Вас?

— О? Поразительное внимание с твоей стороны. Тебе так хочется их понести?

— Нет, не особо.

— Тогда, я тебе их отдам.

Итару передал Sf цветы. Она поместила их в ведро с водой и огляделась.

Вдоль горного склона выстроились надгробия, а между ними пролегал путь.

— Я пришла к заключению, что это непостижимое место.

— Почему?

— Тэс. Если мегалитическая культура способна сконструировать подобные лей-линии, почему она была уничтожена?

— Похоже, твой мозг врубил какую-то особую программу. …Запомни: культура, построившая это, вполне себе жива. Она не была уничтожена. К тому же, это не имеет никакого отношения к лей-линиям.

— Значит, это кладбище? В таком случае, я пришла к выводу, что это ещё более непостижимо.

Sf снова всмотрелась в могильные камни.

— Если чувства одних людей были настолько сильны, что они установили для других могильные камни, почему они поместили их так далеко за пределами города? Если у тебя есть сильные чувства, разве не следует поместить их поблизости? Я не вижу в этом никакого смысла, следовательно, я пришла к заключению, что ответ базируется на эмоциях.

— Есть вещи, которые важны для тебя и к которым питаешь сильные чувства, но ты хочешь держать их подальше. …Ты этого не понимаешь?

— Тэс. Я не могу понять действия, направленные на отдаление чего-то, или отдаления себя от чего-то.

— Вот как?

— Тэс. Например, с тех самых пор, как я была активирована в Японии, я не отдалялась от Вас далее, чем на 100 метров. Я осуществляю наблюдение за вашим сердцебиением, дыханием и температурой тела в реальном времени.

— О? Я вижу, что немцы установили на свои машины экстремальные протоколы преследователя. Я всегда думал, что горничные стараются держаться от своих хозяев на расстоянии, но, наверное, мне просто показалось.

— Нечто подобное я не могу понять без эмоций.

— Понимаю, понимаю.

Итару остановился у вершины лестницы.

Перед ним на пологом склоне лежало кладбище.

Едва он двинулся вперёд, Sf последовала за ним.

— Моя память сообщает, что мы однажды уже здесь были. Это было на обратном пути после нашей встречи с Саямой-сама.

— Не напоминай.

— Тэс. Из моих различных опций извинения, я выбрала поклон.

Итару остановился, и Sf поклонилась.

Пару секунд спустя, она начала поднимать голову, но что-то с ней столкнулось.

— Итару-сама, на мой затылок пришёлся рубящий удар ладонью.

— Это форма молчаливого общения. Подобные вещи время от времени не помешают.

— Тэс. Но я пришла к заключению, что это была не ваша идея.

— О, да ну?

Он убрал руку, и она поправила чепчик на волосах.

— Тэс. За исключением случаев, когда у вас трудности, Вы не станете ко мне прикасаться.

— Ты запоминаешь чертовски много.

— Тэс. Моя способность скрашивать день моего господина очередным невиданным свойством как раз и делает меня секретным шедевром немецкого UCAT. Прошу, с нетерпением ожидайте в будущем новых открытий. …Стоит ли мне добавить броский комментарий под конец?

— Я был бы непомерно рад, если бы ты сказала «умри» или «отправляйся в ад» с улыбкой на лице.

— Тэс.

Sf поклонилась, неожиданно остановилась и записала всё услышанное.

Она повернула своё непроницаемое лицо к своему хозяину и удивленно наклонила голову на его действие.

— Итару-сама, что это был за слабый удар?

— Я когда-то знал парня, который делал подобные глупости, — сказал он тихо, остановившись у могильной плиты. — Sf, дай мне цветы.

— Тэс.

Она передала ему цветы, и он начал помещать их в вазу перед могильным камнем.

Но кто-то уже побывал здесь перед ними, потому что в вазе уже находились свежие цветы. И светлые цветы оказались не хризантемами.

— Диана…

— Диана-сама? Почему?

— Ты не поймешь, Sf. Да и я тоже.

С горькой улыбкой он ослабил черный галстук, колыхающийся под горным ветром.

— Этот мир полон непонятных мне вещей. Кроме того, лишь мне и нескольким другим известна истинная тайна этого мира.

— Истинная тайна этого мира?

— Всё верно, Sf. Ты когда-нибудь об этом задумывалась? В этом Гире нет ничего, кроме отрицательных концептов, так почему же он никогда раньше не опускался слишком далеко в отрицательном направлении и не был уничтожен? — Его горькая улыбка расширилась. — Тот Саяма должен отыскать ответ на этот вопрос… нет, он должен отыскать даже больший ответ. Те, кого однажды знали как Восемь Великих Королей Драконов задали вопрос, и Пять Великих Столпов запечатали ответ.

Он поставил собственные цветы в вазу.

— Sf, вода…. Нет, постой!

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Sf собирается выплеснуть содержимое ведра на могильный камень.

— Но Вы сделали это в прошлый раз, когда мы здесь были … Что-то не так? Я даже проверила мою память три раза подряд.

— Не повторяй то, о чем в какой-то миг думает каждый японец.

— Тэс. Мне понятно. Вы хотите сказать, что я не должна повторять хохму, верно? Какую хохму нам следует учудить на этот раз?

— Немецкие машины — заноза в заднице. …Сделай это так, будто поливаешь надгробие.

— Тэс.

Sf вытащила из своего передника небольшую лейку.

— Просто из любопытства, почему ты разгуливаешь с этим по округе?

— Тэс. Это для того, чтобы я могла выполнить любое требование, которое у Вас может возникнуть. Было верным решением взять мое снаряжение «Р», которое я беру с собой для прогулок. «Р» означает «разгуливать», и снаряжение определяется строгой лотереей. Не желаете посетить следующий отборочный тур? Приз за посещение — блокнотик и ручка.

— UCAT превратилась в очень расточительную организацию.

— Тэс. Это знак стабильности. …Хм?

— В чем дело, Sf?

— Я только сейчас заметила имя на этом надгробии.

Носик лейки указывал на лицевую часть могильной плиты. Разбрызганная вода явила написанное на ней имя.

— Саяма.

●

Перед подземными тренировочными помещениями UCAT на диване, накинув на себя куртку, в

ожидании сидела Синдзё.

На часах стояло четыре часа дня, и девушка ожидала, когда тренировочные залы освободятся. Взрослые вокруг неё делали то же самое. Женские и мужские раздевалки находились друг напротив друга, следовательно, в холле собрались люди всех возрастов.

— При таком раскладе свободного тренировочного зала вообще не окажется. Но я сказала Саяме-куну, что собираюсь сегодня на тренировку.

На стене перед раздевалками содержались электрические доски объявлений, отображающие статус каждого зала.

…2-й Гир занял их все для официальной тайной тренировки.

Из-за подготовки к противостоянию Пути Левиафана, они имели наивысший приоритет. Даже Отряду Левиафана приходилось ждать окончания, которое могло и не настать.

Она любопытствовала, чем же занимается 2-й Гир.

…Они определенно зашевелились.

Эта мысль вытеснила из её тела всяческое спокойствие.

Синдзё сидела, скрестив ноги в белых джинсах. Она положила локти на колени, держа в руках портативную игровую приставку.

Рабочий UCAT передал ей двухкнопочный прибор. Действие игры происходило в южном океане, где игрок периодически собирал сокровище со дна, избегая ног гигантского океанского создания, пытавшегося выйти на контакт.

Но старый и размытый жидкокристаллический экран показывал «конец игры» и отключался всего через десять очков.

Она не заметила среди ожидающих знакомых лиц.

Осмотревшись вокруг, девушка увидела, что это действительно странное скопление людей.

Большинство из них даже не было людьми, и это большинство выделялось больше всех.

Затем, Синдзё кое-что осознала. Ооки, к примеру, показывает свои длинные уши только в Концептуальном Пространстве.

Они не слишком сочетаются с этим Гиром? — Гадала она. — А Саяма-кун и я хорошо сочетаемся?

Последняя мысль заставила ее покачать головой.

…Почему я думаю о таких мрачных вещах?

Синдзё засунула приставку во внутренний карман куртки и поднялась.

Скорее всего, ни один из тренировочных залов так и не откроется, поэтому ожидание лишь вызовет больше мрачных мыслей.

Как только она решила отправиться куда-нибудь еще, все вокруг неё вдруг всполошились.

— …

Девушка обернулась в том же направлении, что и остальные, и увидела, что одна из пометок на электронной доске поменялась. Алый индикатор исчез, и с динамика на потолке прозвучал голос:

— Э, спасибо вам большое, э, за использование тренировочного зала японского UCAT. Эм, что там дальше?.. А, Тренировочный Зал 7, Тренировочный Зал 7. Тренировка 2-го Гира завершена. Дверь скоро откроется, так что будьте осторожны. Та же комната сейчас будет использоваться немецким UCAT. Э, все, кто попытаются силой протиснуться туда, будут… Я же сказала не лезть, проклятущая ты обезьяна!! Хорошо, двери теперь закрываются.

Синдзё услышала несколько разочарованных стонов, и её собственные плечи поникли.

Из-за желания уйти прочь, Синдзё отошла от остальных на два или три шага.

Но до того как она смогла это сделать, в толпе началась новая суматоха.

Из мужской раздевалки появилась группа людей.

Мужчины были одеты в белую боевую униформу UCAT.

Вышло десяток или около того человек, по-прежнему сохраняя боевой дух.

Их суровая атмосфера заставила толпу притихнуть.

Синдзё заметила в группе Касиму и Ацуту.

Касима стоял в центре, так как единственный носил рабочую одежду.

Он объяснял какие-то номера Ацуте, жестикулируя руками.

Позади этой парочки стояло несколько пожилых мужчин с инструментами, висящими на поясах, и люди с компьютерами и большими приборами на носилках.

Ждущие своей очереди мужчины прокомментировали, проходя мимо:

— Они собрали всех инженеров 2-го Гира, не так ли?

И затем, когда из раздевалки вынесли следующие носилки, всем сперло дыхание.

На них находился большой белый стол, на котором лежала груда фрагментов Облаченных Мечей.

Изначально все это было как минимум тридцатью мечами.

Такое оружие создавалось для сражения в альтернативных мирах, но все они переломались.

— Вы можете уничтожать их? — пробормотал кто-то.

Больше никто заговорить не осмелился.

— …

Синдзё тупо уставилась на качающиеся носилки и мужчин.

Как раз тогда Касима поднял взгляд.

Ее глаза встретились с его напрямую.

— Ах…

Девушка отступила на шаг, но диван находился прямо у неё за спиной.

К тому времени, как Синдзё задумалась, что делать, Касима уже оказался возле неё.

Пока она насторожено стояла, он приоткрыл рот и произнес:

— Ты Синдзё Садаме из Отряда Левиафана, да? У тебя есть минутка?

●

Касима глядел на Синдзё перед ним.

Она была одета в оранжевую куртку, белую рубашку и белые джинсы.

Ему подумалось, что её тело выглядело настороженным не только в его воображении. Девушка приняла оборонительную позу.

…Но она дрожит.

Перед тем как войти в тренировочный зал, Цукуёми проинформировала Ооширо Итару о том, когда начнется Путь Левиафана.

В то же время, Цукуёми получила документы о членах Отряда Левиафана.

Поскольку информация была засекреченной, часть данных на всех бумагах затемнилась.

Но документ по Синдзё Садаме содержал определенную запись.

…Если основываться на ее образе мышления, вполне возможно, что она непригодна для атакующей роли.

Он копнул глубже и узнал, что её Ex-St ни разу не использовался на полную мощность.

Большинство полученных данных останавливались, не достигнув наивысшего выходного диапазона. Единственным исключением был случай во время битвы с 1-м Гиром, когда выходная мощь оказалась довольно близка к пределу.

Он вспомнил, что когда они встретились в столовой, девушка выглядела так же.

Она стояла рядом Саямой, когда Ацута провоцировал парня, но при этом не двигалась.

Он не знал почему.

Затемненные участки её файла возможно бы это объяснили, а возможно и нет.

Касима точно знал одно — она стояла на стороне Саямы.

Но, — подумал он. — Тот парень надеется на сражение.

А что думает эта девушка?

— Синдзё Садаме-кун, после того случая в столовой мы больше не пересекались, не так ли?

— Ч-чего Вы хотите? — осторожно спросила она.

Он разок кивнул, чтобы её успокоить.

Раздумывая о ней и Саяме, Касима проговорил.

— С тех пор, я решил сражаться. А как насчет тебя?

Он увидел, как, услышав его вопрос, Синдзё сжалась.

Она испустила короткий вздох и посмотрела на него обессиленным взглядом.

— Я не знаю…

— Но ты хочешь знать, не так ли? Ты спросила меня о моей лжи в столовой.

Она на секунду задумалась, перед тем как ответить.

— Я хочу знать?.. Какого ответа Вы хотите?

Скорее всего, девушка задавала себе такой же вопрос, потому он кивнул.

Глядя, как она дрожит перед его глазами, он произнес, словно желая её научить и предупредить:

— Во имя того, что грядет, я хочу получить ответы на все мои вопросы.

Он окунулся в мысли, и у него перед глазами вплыл обвал восьмилетней давности.

— Почему я не смог позабыть свою силу, даже когда так сильно пытался забыть?

Он припомнил руку Нацу, которую ухватил.

— Почему я причинил вред человеку, с которым так хотел быть?

Он задумался о родителях.

— Почему я чувствую одиночество, когда обо мне заботится столько людей?

Он припомнил своего деда на смертном одре.

— Почему я чувствую себя так, словно несовместим с этим миром?

И воскресил в памяти воспоминания за все прошедшие восемь лет.

— Почему я чувствую, будто не могу просто выбрать одно или другое?

Касима задал каждый вопрос спокойным тоном, но Синдзё съеживалась всё сильнее и сильнее.

Он снова приоткрыл рот, словно пытаясь вернуть её назад.

И произнеся этот последний вопрос, мужчина подумал о Нацу, о Харуми, и о будущем.

— Почему же я хочу достичь всего своей собственной силой, даже когда меня снедают эти вопросы?

Синдзё прикусила нижнюю губу и содрогнулась.

Она опустила голову, словно в знак благодарности. Затем, её плечи поникли, и она вздохнула.

— Касима-сан, вы рассчитываете получить свой ответ, если будете сражаться?

— Я не получу ответа. Я отправлюсь и возьму его сам. …Хотя меня это пугает.

Она подняла голову и глянула на него со слегка заплаканными глазами.

Он положил руку ей на голову и, чтобы успокоить, мягко погладил.

— Я не знаю, правда или ложь заставляет тебя бояться себя. Но уверен, что человек, которому ты не безразлична, ожидает тебя на стороне правды.

Касима вздохнул.

— Я провел во лжи восемь лет. Когда же ты сможешь выбрать себя, несмотря на страх?

http://tl.rulate.ru/book/95927/3275217